Мальчик с зелеными глазами и черными, растрепавшимися волосами помогает старушке залезть в поезд. Она мягко ему улыбается, треплет непослушные волосы и исчезает в вагоне. Мальчик отходит, по-птичьи склоняет голову, смотрит как закрываются двери поезда, а потом идет вперед, к локомотиву. С каждым шагом он становится все выше, раздается в плечах, походка тверже, черты лица острее. Потом шаг замедляется, плечи опускаются, в черных волосах появляются седые пряди. Морщины испещряют прежде юное лицо, уголки губ опускаются. Лишь взгляд все такой же яркий.

К началу поезда подходит лишь высушенный временем и ветром скелет. Ни прожилки ни кусочка кожи. Он берет с самой последней скамейки черный балахон и, накинув его, наклоняется за косой. А потом спускается на рельсы и идет, а поезд едет за ним. Сначала медленно, а потом все быстрее, быстрее. И вот уже по белому пространству, впереди длинного поезда, стремительно несется черный призрак.

Путь заканчивается неожиданно, поезд со свистом и тяжелым постукиванием проносится мимо высоких золотых ворот, а потом, замедляясь, останавливается на перепутье. Скелет возвращается, равнодушно смотрит как высаживаются люди. Взрослые, старики и дети. К ним присоединяются и другие — в странных одеждах, необычного вида или расы. Люди удивляются, смотрят во все глаза. Те, другие, тоже смотрят, не понимают.

Пустой поезд уезжает. Скелет остается. Смотрит.

Кто-то робко идет в сторону света, кого-то утягивает в сторону бездонной пропасти. Люди, маги, существа — все, кто наделен душой, после смерти оказываются тут.

На него они кидают боязливые взгляды. Им страшно. Ему все равно. Он просто следит, чтобы никто не ушел... хотя не бывает уже существ, по силе способных разорвать узы Смерти и уйти с перепутья.

Перрон пустеет. Кто-то воет, он не хочет в бездну, но и к свету приблизиться не может. Кто-то отчаянно цепляется за тех, с кем его разделяют. Свет и тьма забирают каждого вне зависимости от их желаний.

Он следит. Рядом, невидимыми тенями, кружат и другие смотрители — тоже иссушенные скелеты в черных балахонах. Но следит он. В отличии от них он пока не может уйти.

Но вот последняя душа исчезает в светлой пелене, он кивает и идет. Другие тоже идут.

За перроном он наконец преображается. Снова обладает физическим телом. Неподконтрольный процесс, который сопровождает его каждую отправку "поезда". Снова и снова проживать свое, когда-то бывшее настоящим, тело.

— Идем? — рядом появляется дорогой дядюшка. Эк, заскучал старик, даже из образа выходить начал. Обычно он гордый и нелюдимый отшельник с паршивым и язвительным характером,

каждую душу рассматривающий через лупу.

Какое-то "не его" знание, приходит как всегда неожиданно. Когда Смерти становится скучно, то она спускается в один из своих миров, чтобы прожить обычную жизнь. А после снова возвращается "на работу" сохраняя за собой последнюю физическую оболочку и полностью теряя память о том, что было до этого. Таким образом, кстати, и определяются "родственные" узы Смертей — тот, кто присматривает за мирами в их отсутствие, становится им родителем. З-забавная система, призванная хоть как-то разбавить скуку в их непрерывной работе.

Увы, но свой "отпуск" он провел очень весело — его физическое тело было убито то ли на сороковом то ли на пятидесятом году жизни, так что пришлось досрочно возвращаться и принимать саркастичные поздравления новоявленной "матушки" и прочих родственничков. Именно поэтому он не очень любил свое новое имя, которое было дано ему Мана'т в честь "вещи", которая была очень крепко с ним связана в физической жизни.

— Дар?

Мертвые Холмы, на самом деле, были самым "живым" местом во всем их царстве. Здесь "Смерти" собирались, обсуждали что-то забавное с прошедшего "рабочего" периода. Он не очень любил это место. Слишком претило смотреть на эти "живые" морды, зная, что под ними лишь давно переставшие существовать души.

— Ну так что? — обратился он к "дяде". Когда-то Шинигами и сам был ему племянником, пока он не собрался на "обновление". И, судя по его состоянию, скоро снова им станет.

— Все случилось во время очередного призыва, — Шинигами сел напротив него, начиная неторопливый рассказ. — Фугаку Учиха, находился между жизнью и смертью, призвал меня и заключил со мной договор. Не редкость среди таких смертных как он. Однако сам договор был... необычен.

Шинигами щелкнул пальцами, на столе перед ним появился свиток. Дар осторожно его развернул.

— Если коротко, то он чувствовал, что несмотря ни на что, все равно умрет, и запросил с меня душу, которая изменит судьбу. Необычно, а мне было скучно, — Дар кинул на него полный скепсиса взгляд. — Я согласился и обменял его местами с обычным смертным с твоего отдела. А потом, меня вдруг вызывает другой смертный, отдает свою душу за разделение одной духовной сущности надвое, и, уже собираясь трагично исполнить свою часть договора, вдруг оказывается выпихнут твоим смертным, который погибает вместо него. В общем по закону, обменная душа стала жертвенной и отошла мне вместо исполнителя договора...

— Но так как она не принадлежит твоему отделу, то и забрать ее ты не смог, а потому отправил ее обратно мне, надеясь, что я тихо-мирно ее развею? Ну и скверный же ты, — хохотнул Дар, щелчком испепеляя свиток. — Что ж, а я привел эту душу обратно к тебе, пообещав ей, что дам ей физическое тело. Я планирую хорошо поразвлечься, и в конце получить вкусную душу на

завтрак. Так что, спасибо, что разъяснил ситуацию, а то было непонятно, с чего бы это души вдруг начали бегать между мирами.

Шинигами сверкнул улыбкой-оскалом. В физическом обличье он был даже страшнее, чем в виде скелета. В прошлом воплощении он был то ли личем то ли еще какой нежитью... Вот уж действительно, остается надеяться, что он скоро соберется на обновление и сменит рожу. А то вон уже какие фокусы выкидывать начал.

— Узнаю старого-доброго племянничка, — оскалился Шинигами. — Тогда уж, будь добр, присмотри за моими делами, я, видишь ли, тоже хочу поразвлечься в мире смертных.

О, а мысли материализуются.

— Без проблем, только оставь мне свои ритуальные маски и одеяния, чтобы я мог являться на зов твоих смертных. Больно у них с нашим миром связь крепкая.

Шинигами осклабился и растворился. Дар качнул головой, ловя свое отражение, и отправился к тому смертному, что должен был его уже ожидать.

***

Глаза открыть удалось с трудом. Голова гудела, как после хорошей попойки, а во рту словно бы находилась маленькая пустыня.

Проморгавшись, уставился в потолок. Незнакомый потолок.

Тело чувствовалось будто чужое, и пошевелиться удалось не сразу.

— Доброе утро, — взгляд метнулся к двери. Среднего роста женщина, со светлыми волосами, точкой во лбу и теплым, мягким взглядом карих глаз. Рядом с ней стоит розоволосая девчушка, с любопытством его разглядывающая. — Поздравляю с выходом из комы.

Потом посмотрела на девчонку и та, неуверенно и даже робко, подошла к его кровати, снимая со специальных креплений планшет с бумагами на нем.

— Ваше имя? — у нее был сильный, звучный голос, но неуверенность все перебивала.

Он поморщился. Имя. На кончике языка крутилось что-то знакомое, хорошо знакомое. Что-то на...

Взгляд заметался по комнате, он невольно приложил руку к голове.

Как же...

— Фа... Фу... — зажмурившись до искр перед глазами, с облегчением вспомнил. — Фугаку. Мое имя — Фугаку.

Во взгляде женщины промелькнуло удивление. Потом она подняла руку, прерывая уже открывшую рот девочку.

— Могу догадаться, что такое же затруднение возникнет и с другими вопросами. Сколько вам лет? Откуда вы? Как ваша фамилия? Как зовут ваших родителей? Что с вами случилось?

Он поморщился. Вопросы вызывали неприятный гул, что-то свербило где-то на подкорке сознания, правильные ответы срывались с кончика языка, однако озвучить их он не мог, потому что... не знал. Так, урывками доносились слабые образы.

— Маленькая деревушка, темная ночь, пожар и нападение... — красные всполохи перед глазами, огонь, много смертей... видимо он пережил какое-то нападение. — Помню бег... бежал куда-то... потом что-то случилось и... я здесь.

Женщина кивнула каким-то своим мыслям.

— Отдыхайте.

И, забрав девочку, вышла из комнаты, оставив его наедине с мыслями.

Образы, манящие, неуловимые образы — скакали перед глазами, дразня своей недоступностью. Зажмурился — чьи-то темные глаза, и чувство нежности, всколыхнувшее все внутренности. В голове четко обозначилось: жена. Чувство страшной тоски пришло последним. Глубокий вдох-выдох.

Огонь. Много огня. Много боли. Она даже сейчас невидимой паутиной расползалась по груди. Снова закрыть глаза. И снова огонь. Багровый, кровавый и узор, таинственный, пугающий, враждебный — точка с запятыми, что крутились, затягивая в бездну. Смерть.

Потом снова вернулась эта женщина.

— Пройдемте, Фугаку-сан, — потом слабо улыбнулась, — будем вас регистрировать.

***

— Уверены? — Минато снова пробежался по ровным строчкам, снова посмотрел на Цунаде.

Сомневаться в ее профессионализме не приходилось, как и в профессионализме других, составлявших отчет, но уж больно… редко случались такие вот инциденты, чтобы быть простым совпадением.

Она кивнула.

Чист как новый лист. Все что помнит — нападение, пожар и долгий бег. Это объясняло появление его тела у ворот Конохи в ранние четыре часа. Да и найти в округе похожую по описанию деревню не составило труда — два дня назад группа разбойников разорила небольшое поселение, занимавшееся земледелием. Единственно, что шиноби в той деревушке не было, а незнакомец им был.

Хотя…

Снова перечитать статус. Слабый шиноби — возможно даже не подозревал о наличии у себя ядра. Уровень хорошего, сильного чунина — потолок, верх способностей. И то, если бы он с детства развивал дар. На возраст где-то между тридцатью и сорока пятью, это Цунаде обещала установить точно через некоторое время.

Что ж…

Не смотря на имя незадачливого шиноби, поставил размашистую подпись. Ками-сама, какое издевательство над памятью его друга — слабый шиноби с его именем. Хмыкнув, закрыл дело и отдал его Цунаде, она знает, что с этим делать.

Цундае, кивнув, приняла документ и посмотрела на Минато, ожидая его разрешения покинуть кабинет.

Йондайме Хокаге вырос за эти четыре года. Йондайме Хокаге — сильнейший шиноби не только в Конохе, но и в нескольких других деревнях… Минато Намикадзе теперь редко улыбается, только если рядом с сыном. Да и как улыбаться, когда половина лица покрыта странными шрамами, будто от сильного ожога? Минато Намикадзе теперь слишком часто молчит…

— Можете идти, Цунаде-сама, — кивает он ей, и она выходит.

Когда дверь за Цунаде закрылась, Минато поднявшись, посмотрел в окно. Садилось, тускло освещая его кабинет, солнце, погружая Коноху в яркие, вечерние огни. Где-то развеялся его очередной клон — потоки информации легко и быстро заняли свое место в его памяти.

Приближался день рождения Наруто. Обещал приехать Нагато. Воспоминания о том, с какой бурной радостью сын ожидал этот праздник, на время оттеснили мысли о том, как же это все-таки не честно…

Стена Конохи — новая, высокая, каменная, — высилась в отдалении, а от окон сторожевых башен отражались лучи солнца. После нападения Кьюби Коноху пришлось полностью обновлять... благо, что Микото, перебирая вещи мужа, нашла его записную книжку, в которой Минато обнаружил целые картины того, какой может быть их деревня. Высокие здания с большими окнами, широкие, мощенные улицы, дома... похожие и не похожие на те, к которым они все привыкли.

Минато открыл окно, облокачиваясь локтями на подоконник, подставляя лицо легким порывам ветра.

Записная книжка Учиха вообще была кладезем ценной информации. Новые законы — где-то недоработанные, где-то всего лишь наброски и идеи, где-то полностью сформированные планы. Фугаку закладывал фундамент будущего Конохи, и Минато каждый раз думал о том, что могло бы быть, не умри тогда Учиха. Фугаку двигался медленно, неспешно, и пусть и умно, но все же притворяясь поверхностным и непостоянным человеком. Никто не понимал его действий...

А теперь о нем с уважением отзывались все главы кланов. Коноха будто получила второй шанс на то, чтобы исполнить волю Основателей.

Тяжело вздохнув, закрыл глаза.

Он вообще старался не думать о Фугаку. Потому что мысли о нем обычно сразу же вели к Кушине...

Вежливый стук в дверь, Минато кивает своим мыслям, чувствуя хорошо знакомую чакру.

— Входи, Ласка.

А когда в кабинет скользнул АНБУ, повернулся и постарался посмотреть на вошедшего как можно мягче.

— Как дела, Итачи? Возникли какие-то сложности?

Итачи не выглядит на свой возраст. Уже сейчас все дают ему от тринадцати лет и выше. Он высок, у него ровные, строгие черты лица и серьезный взгляд, что и делает его похожим на взрослого.

— Никак нет, Хокаге-сама, — слегка поклонился тот.

— Тогда?.. — Минато прекрасно знает, кого Итачи винит в смерти отца. Очень часто ловит на себе его внимательные, оценивающие взгляды. Но, на его удивление, Итачи иногда сам приходит к нему. Просто забирается под потолок, и на протяжении долгого времени Минато чувствует его внимание.

Но в этот раз он пришел вечером...

— Моэто убили, — деланно-равнодушно отвечает Итачи, но Минато чувствует, как наследник клана злится. Как ему больно и что он в растерянности...

— Кто? — тут же подбирается он, сдерживая порыв подойти... обнять... поддержать...

— Убийца уже мертв, — качает головой Итачи, а потом вдруг сдается. — Отец...

Моэто Учиха — почти последняя нить, которая напоминала Итачи об отце. Новый глава клана, назначенный Микото, до того момента, пока Итачи не станет совершеннолетним. Хороший друг и товарищ.

Минато на мгновение закрывает глаза, а потом все-таки подходит, обнимает растерянного Учиха. Мальчик не плачет, не бьется в истерике, и от того понимать, что ничем не можешь помочь еще больнее. Минато давно уже не скрывает, что привязался к сыну Фугаку. Минато давно уже чувствует ответственность за него. А значит сделает все, чтобы семья Фугаку не пострадала несмотря ни на что.

— Как насчет данго? — спустя какое-то время спрашивает он у совсем притихшего Итачи.

И вдруг чувствует, как тот робко обнимает его в ответ, слабо кивая.

***

Человек без прошлого. Человек со странным настоящим и туманным будущим.

Вот кем он теперь был.

Поставив сумку с нехитрым набором жизненно важных вещей у порога, окинул взглядом свое новое жилье. Небольшая однокомнатная квартира на окраине города. Ванна, маленькая кухня, маленький балкон, спальня, она же кабинет, она же зал. Только самое необходимое для жизни. Ему выделили такое же пособие, что и сиротам, позволив начать жизнь с чистого листа. Рассказали о том, что он шиноби, сказали готовиться к экзамену на звание генина, чтобы он мог начать получать миссии, сам зарабатывать себе на жизнь.

После выматывающих проверок гудела голова и хотелось спать, но несмотря на это он сел, открыл новую тетрадь, и записал:

«День первый. Начинаю жизнь заново.»

Примечания:

Финал открытый. Очень.

Т.е. неизвестно, что с Карурой, Обито, что будет после Эпилога и т.д.

http://tl.rulate.ru/book/38968/869007